

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ ВРЕМЕНИ

Опыт философского размышления

РАЦИОНАЛЬНОСТЬ: ИСТОКИ И ЭВОЛЮЦИЯ*

С.С. ГУСЕВ

Представление о принципиальном различии интеллектуальной и эмоциональной сфер человеческой психики сложилось еще в философии античных мыслителей и сегодня воспринимается в качестве «само собой разумеющегося» положения. Как известно, Аристотель выделял в душе такие ее составляющие как «вегетативная», «чувственная» и «рациональная». При этом только последняя понималась им в качестве источника и средства интеллектуальных операций. Поэтому основное внимание было направлено на выявление законов, регулирующих ее функционирование, поскольку считалось, что именно они определяют характер человеческих знаний об окружающем мире. Описание этих законов составило содержание так называемой «аристотелевской логики». Убеждение в ее универсальности надолго определило направленность и характер всевозможных разработок, связанных с попытками построить формальные модели, исчерпывающим образом представляющие содержание человеческого интеллекта. Однако, несмотря на множество важных результатов, полученных на этом пути, решить поставленную задачу исчерпывающим образом до сих пор не удалось.

Во многом это обусловлено стремлением исследователей рассматривать формы рационального мышления в качестве врожденной способности человека обрабатывать имеющуюся информацию и функционирующей независимо от того, как эта информация первично представлена в субъективной реальности человека. Свою роль в этом сыграла и так называемая «теория отражения», долгое время служившая в отечественной философии главным основанием для всевозможных концепций интеллектуальной деятельности. Явно или неявно, но в рамках этой теории мыслительные процессы интерпретировались как лишь ответные реакции человека на внешние воздействия окружающего мира. Однако во второй половине XX столетия получили распространение идеи о «конструктивной» природе

* Работа выполнена в рамках проекта Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) «Аргументация в конкуренции современных исследовательских проектов», грант № 14-03-00650.

сознания. С точки зрения данного подхода, человеческий интеллект не просто отображает процессы, происходящие во внешней среде, но выстраивает картину этой среды с помощью деталей, отсутствующих в самой реальности и создаваемых воображением. В рамках чисто рационалистического подхода исходные условия создания таких деталей чаще всего специальным образом не анализируются, поскольку основное внимание направлено на выявление формальных структур, посредством которых можно описать интеллектуальные операции, осуществляемые человеческим мышлением.

В этом смысле человеческий разум явно или неявно отождествляется с «разумом машинным». Как известно, функционирование машины определяется извне введенной в нее программой. На «внутреннее состояние» технической системы внимание обращается лишь тогда, когда в нормальной реализации программы возникают какие-то неполадки. Люди же не фиксируют внешние воздействия чисто «автоматически», а *«переживают»* свои внутренние состояния, возникающие при контакте со средой. Еще на рубеже XIX и XX столетий возникло понимание того, что знание, производимое людьми, по своей природе состоит из разных слоев. В. Виндельбанд и В. Дильтей обратили внимание на то, что человеческие знания о мире представлены в языке разными типами высказываний. Одни из таких высказываний (так называемые «фактологические») фиксируют происходящее, другие же выражают отношение людей к тем явлениям и событиям, с которыми они сталкиваются («оценочные суждения»). Человек не только отображает внешние воздействия, но и оценивает различным образом их значимость. И характер производимых знаний обусловлен во многом именно такими оценками. В соответствии с этим можно предположить, что конструктивная деятельность «естественного интеллекта» существенно зависит от того, насколько полно сознание отображает в производимых знаниях свое собственное состояние, т.е. от характера человеческих переживаний.

В этом случае традиционные описания рациональных операций как сугубо формальных процедур могут рассматриваться в качестве «второй производной» от описания субъективной реальности того, кто такие операции осуществляет. И моделирование мыслительных процессов должно строиться на основе учета взаимодействия этих двух уровней интеллекта. Такой подход позволит обнаружить более тесную связь рациональной и эмоциональной сфер. Эта связь особенно различима при анализе психической жизни архаических сообществ (насколько это возможно сегодня). Как считают многие палеопсихологи, древние люди осознавали не внешнюю реальность «саму по себе», а свои переживания, возникавшие в различных ситуациях их повседневной жизни. На это в частности когда-то старался обратить внимание такой автор как Л. Леви-Брюль. Его концепция

«пралогического мышления» не раз подвергалась критике, поскольку в ней видели попытку представить архаическое сознание в качестве феномена внерациональной природы. Чисто негативную интерпретацию взглядов французского теоретика во многом обусловила успешность применения формально-логических операций при описании человеческого интеллекта. В результате оказалась недооцененной его идея о фундаментальной синтетичности древнего мышления.

Леви-Брюль считал архаическое сознание «слабо дифференцированным» (поскольку в нем элементы рациональные, эмоциональные и волевые не различались). Он объяснял это тем, что коллективные представления носителей архаической культуры возникали в результате глубочайшего воздействия условий, в которых формировались соответствующие образы действительности, на характер этих образов¹. Как показали позднейшие исследования, к этим условиям относится и задача, которую ставит перед собой человек². Переживание с этой точки зрения оказывается средством соединения объективных и субъективных элементов. Образы действительности, создаваемые древними людьми, всегда были эмоционально нагружены. На это постоянно обращают внимание современные исследователи, изучающие древние культуры. Но и Леви-Брюль и последующие авторы рассматривали главным образом формирование коллективных образов и представлений, возникавших посредством трансляции субъективно-индивидуальных переживаний во всем сообществе. Эта трансляция осуществлялась посредством такого свойства, унаследованного людьми от животных предков, как *подражание*.

Значение этого феномена в организации коллективного поведения не раз описывалось как биологами, так и социологами. Следует отметить лишь то обстоятельство, что внешнее выражение переживаний, вызывающее акты подражания, обычно имеет конкретно-локальный характер, порождаясь определенными сиюминутными ситуациями, и потому весьма неустойчиво. В силу этого, оно не могло быть достаточно эффективным средством, надежно обеспечивающим выживание древних сообществ, тем более, что развитие взаимодействия человека с окружающим миром обусловило и усложнение социальной жизни, выводя людей из сиюминутных ситуаций в сферу «*возможного*». Потребовалось создавать средства, позволявшие эффективно организовывать коллективные действия не только в привычных условиях, но и в таких, с которыми люди еще не сталкивались. Попытки предсказывать события, которые могли произойти в будущем, базировались на растущем осознании древними людьми циклического характера упорядоченности явлений природы. Такие попытки привели к обнаружению наряду с новыми свойствами и особенностями окружающего мира потенциальных возможностей человеческого интеллекта.

Ориентация на «возможное будущее» обусловила выработку средств, которые могли бы стимулировать переживание воображаемых событий, не порождаемое непосредственно данной ситуацией. Одним из средств решения такой задачи стала так называемая «на- скальная живопись». Сегодня условность применения термина «живопись» к древним изображениям вполне осознается специалистами, которые подчеркивают не столько эстетический, сколько мировоззренческий характер древних рисунков. Посредством всевозможных скульптурных фигур и рисунков первобытный человек выражал полноту своего мироощущения «как общественного существа»³. Архаические изображения выражали человеческие переживания в обобщенной (хотя и не теряющей связи с предметной наглядностью) форме. Такие переживания по-прежнему сохраняли эмоциональную напряженность, хотя и не были вызваны прямым и непосредственным воздействием вещей и явлений природного мира. Важную роль в этом играла память о событиях когда-то уже происходивших и сходных с сиюминутной реальностью, тем более что представление о временных различиях у древних людей было еще достаточно смутным.

Постепенно наряду с изображениями, выражающими непосредственные впечатления от предметов и явлений, с которыми люди имели дело в повседневной практике, стали создаваться и использоваться знаки, обозначающие различные отвлеченные идеи. Они играли важную роль в организации коллективной жизнедеятельности людей⁴. Усвоение их содержания и смысла усиливало значимость рациональных форм мышления. Этому способствовало и то, что действия, совершаемые древними людьми в определенных ситуациях, сопровождалась всевозможными ритуальными словами, регулирующими коллективные переживания. Поскольку со временем произносимые слова стали подменять действие, постольку именно они все больше стимулировали соответствующие переживания, одновременно приводя к расширению рациональной сферы. Слово тормозило проявление непосредственных реакций на внешнее воздействие, освобождая человека от рамок «сиюминутности». Кроме того, словесная речь обусловила создание объектов, не существующих в мире реальных раздражителей и вызывавших новые образы, ранее не возникавшие в сознании людей.

Но, несмотря на растущее значение рационального мышления, важность эмоциональных состояний для эффективной организации коллективной жизни продолжала сохраняться, способствуя более успешному восприятию словесных форм. Многие авторы, изучающие эволюцию коммуникативных средств, подчеркивают проявляющееся и сегодня устойчивое влияние чувственного восприятия знаков, используемых людьми при общении друг с другом, на способы их осмысления. Так, например, известный историк письменности

И. Фридрих обращал внимание на важность сходства звучания слов, обозначающих предметы, со словами, выражающими определенные чувства. Это позволяет представить эмоцию через посредство предъявления соответствующих вещей. Например, у племени йоруба произношение слова «шесть» сходно со словом «симпатия». Поэтому юноша посылает нравящейся ему девушке шнур с шестью раковинами. Если парень также нравится девушке, она посылает в ответ восемь раковин, поскольку слово «восемь» по звучанию совпадает со словом «согласие»⁵. Таким образом, переживаемые эмоции обеспечивают рациональное осмысление материальных объектов, используемых при общении людей.

Усиливающееся доминирование рациональной сферы определило фундаментальное расхождение форм коммуникации среди животных и тех, которые используются в человеческом обществе. Хотя некоторые из этих форм человек унаследовал биологически, словесная речь обусловила качественное отличие языка людей от сигналов, которыми обмениваются животные. Такие сигналы по своей природе связаны с восприятием локальных конкретных ситуаций и имеют характер прямой и непосредственной реакции на воздействие среды. Человеческий же язык выражает не только отношение людей к событиям, происходящим в интервале «здесь и сейчас», но и результат обдумывания возникающих ситуаций, т.е. оценивания значимости воздействия и выбора ответной реакции. Кроме того, межчеловеческая коммуникация, как уже было отмечено, существенно обусловлена ориентацией людей на «возможное будущее». Поэтому языковые структуры, с помощью которых люди в прошлом обменивались всевозможными сообщениями, все больше не выражали впечатления от непосредственного переживания происходящих событий, а превращались в «ментальные концепции мира»⁶. Осознание этого обусловило и изменение знаковых систем, создаваемых людьми. Они все больше начинали обозначать не вещи, а *мысли о вещах*.

В результате эмоциональная основа постепенно отходила на второй план, вытесняясь средствами абстрактного, формализованного описания реальности. Эти средства приобрели особую значимость вместе с возникновением такого специализированного вида познавательной деятельности, как наука. Сегодня всевозможные схемы и формулы, входящие в содержание языка науки, уже не воспринимаются в качестве наглядных изображений реального мира. Их смысл раскрывается лишь средствами рационального мышления. Данное обстоятельство породило когда-то убеждение в том, что эмоциональные переживания в научном познании значения не имеют. В период «классической науки» сложился образ ученого как человека, беспристрастно фиксирующего происходящие вокруг него события и конструирующего на основе своих наблюдений формальные законы, управляющие миром.

Этот образ закрепился в идее «двух культур», жестко разделивших естествоиспытателей (в которых видели носителей исключительно рациональности) и гуманитариев, ориентированных на эмоциональные переживания.

Однако постепенно стала осознаваться чрезмерная упрощенность подобных представлений. Противопоставление «физиков» и «лириков» сменилось пониманием неразрывной связи рационального и эмоционального аспектов психической жизни людей. Сегодня на это часто обращают внимание сами представители «точных наук». Например, в языке математики и физики такие выражения как «красивое доказательство», «изящная формула» и т.п. уже не воспринимаются в качестве метафор. Напротив, предпринимаются попытки разработать объективные критерии, позволяющие использовать подобные характеристики для оценки эффективности создаваемых формальных конструкций. Современный анализ процессов научного творчества свидетельствует о невозможности свести исследовательский поиск к исключительно логическим схемам рассуждения. И ученые, и художники одинаково активно используют в своем творчестве такое свойство человеческой психики как интуиция⁷, хотя попытки формализовать эту способность мышления пока не увенчались успехом.

Многие известные естествоиспытатели отмечают существенную роль всевозможных факторов эмоционально-чувственного характера и в своих интеллектуальных действиях. Знаменитый французский математик Ж. Адамар в частности отмечал, что при решении задачи он *видит* не формулу, а место, которое бы она занимала, если бы ее написали. Перед его мысленным взором возникает «нечто вроде ленты, более широкой или более темной в местах, соответствующих членам, которые могут оказаться существенными»⁸. В своей книге он приводит и мнение А. Эйнштейна, который в ответ на вопрос Адамара характеризовал свое мышление как «визуальное или двигательное» по характеру⁹. Подобные мнения свидетельствуют о том, что рациональная обработка имеющейся информации зависит (хотя и в разной степени) от способов и форм ее представления в процессах чувственного восприятия внешних воздействий.

Переход от наглядных отображений окружающей действительности к абстрактно-обобщенным формам их представленности в интеллектуальных процедурах является сложным и многоступенчатым процессом. Первой формой рациональной обработки и организации чувственных данных является умозаключение по аналогии, весьма зависящее от оценки «существенности» признаков объектов, попадающих в сферу внимания человека¹⁰. Такая оценка во многом определяется специфическими воздействиями окружающей среды на чувственные каналы, через посредство которых формируются соответствующие, все еще наглядные образы действительности.

Используя аналогию, исследователи определяют условия, в рамках которых и происходит первичная классификация характеристик воспринимаемых объектов. Они распределяются по различным группам, выявляются всевозможные связи, как между элементами в группе, так и между разными группами. В дальнейшем исходные образы становятся все менее наглядными, а их сопоставление происходит в рамках «как если бы» сходства. Контекст аналогии сменяется контекстом метафоры, задающей границы условий, в которых сравнительный анализ исходных данных может рассматриваться как адекватный. Затем эти условия все больше корректируются рассуждением, посредством которого их соотношение обосновывается достаточно надежно. Метафора вытесняется силлогизмом.

Различные стадии этого процесса различимы уже в далеком прошлом. В частности, вся история европейской философии во многом определяется переходом от платоновской традиции, активно использующей аналогию, к формам аристотелевской логики. Конечно, вряд ли можно говорить о том, что такой переход осуществляется раз и навсегда. Аллегория (базирующаяся на аналогии) еще долго играла в схоластике роль важного риторического приема, сосуществуя с более формализованными способами рассуждения. В то время как одни авторы, сопоставляя разум человека с Разумом Божественным, прибегали к формуле сравнения («как это, так и то»), другие стремились указывать условия, в которых сравнение могло быть правомерным, выстраивая рассуждение по схеме «если это, тогда то»¹¹. Тем не менее, рациональность постепенно становилась главной характеристикой научного мышления.

И все же эмоциональные корни рациональности не утрачивают своего значения раз и навсегда. На разных этапах человеческой истории они могут вновь становиться определяющими. Так, один из современных философов обоснованно характеризует движение европейской мысли от Нового времени до сегодняшних дней как смену рационалистических установок (выраженных математизированными программами Декарта и Лейбница) комплексом идей, явно ориентированных на эмоционально-поэтическое сознание¹². Некоторые тенденции в современной культуре дают основание предполагать, что этот процесс продолжается. Действительно, сегодня на человека обрушивается огромный поток разнообразной информации, которую не всегда удается осмыслить рационально. Поэтому большинство носителей как «городской», так и «деревенской» культуры воспринимают и усваивают получаемые сведения о состоянии дел в мире фрагментарно, не столько рационально выстраивая целостную картину происходящего, сколько эмоционально откликаясь на общаемые им разрозненные сведения. «Массовый человек» сегодня превращается из «рассуждающего» в «переживающего»¹³.

Растущая роль эмоциональной составляющей в процессе осмысления человеком своей жизни меняет и представление о том, что имеется в виду под самим словом «смысл». В рамках традиционной научной рациональности содержание этого понятия связывалось с мысленным содержанием высказываний, посредством которых конструировались знания о мире. Некорректное выражение такого содержания характеризовалось обычно как «бессмыслица». Сегодня данное понятие можно рассматривать в качестве выражения представлений о существовании какого-то иного смысла, отличающегося от традиционных критериев оценки осмысленности. Обнаружение логических парадоксов часто вызывает эмоциональное напряжение. А оно рано или поздно стимулирует появление новых форм рационального мышления, поначалу непривычных для существующей интеллектуальной традиции¹⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: *Леви-Брюль Л.* Сверхъестественное в первобытном мышлении. – М., 1994. С. 28.

² См., например: *Поршнев Б.Ф.* О начале человеческой истории. – М., 1974. С. 160.

³ *Фролов Б.А.* Открытие человека // Антропоморфные изображения. – Новосибирск, 1987. С. 17.

⁴ См., например: *Голан А.* Миф и символ. – М., 1993. С. 8.

⁵ См.: *Фридрих И.* История письма. – М., 1979. С. 34.

⁶ См.: *Фитч У.Т.* Эволюция языка. – М., 2013. С. 151.

⁷ См.: *Фейнберг Е.Л.* Две культуры. Интуиция и логика в искусстве и науке. – М., 1992.

⁸ *Адамар Ж.* Исследование психологии процесса изобретения в области математики. – М., 1970. С. 74.

⁹ Там же. С. 80.

¹⁰ См.: *Рикёр П.* Живая метафора // *Horizon*. 2013. Т. 2 (2). С. 113.

¹¹ См., например: *Замалеев А.Ф.* Записки университетского профессора. – СПб., 2013. С. 104 – 105.

¹² См.: *Бадью А.* Манифест философии. – СПб., 2012. С. 22 – 23.

¹³ См.: *Зотов А.Ф.* Научная рациональность: история, современность, перспективы // *Вопросы философии*. 2011. № 5. С. 14.

¹⁴ См.: *Гусев С.С.* Границы «бессмысленного» в контекстах культуры // Материалы международной конференции «Социальная философия науки: российская перспектива». Москва, 18 – 19 ноября 2014. – М.: Альфа-М, 2014.

REFERENCES

- Badiou A. *Manifesto for Philosophy*. Saint Petersburg, 2012 (trans. in Russian).
 Golan A. *Myth and Symbol*. Moscow, 1993 (trans. in Russian).
 Gusev S. The Frames of 'Nonsense' in Contexts of Culture // *Proceedings of the International Conference 'Social Philosophy of Science: Russian Perspective'*. Moscow, November 18-19, 2014 (in Russian).
 Feinberg E. *Two Cultures: Intuition and Logic in Art and Science*. Moscow, 1992 (in Russian).
 Fitch W. *The Evolution of Language*. Moscow, 2013 (trans. in Russian).
 Friedrich I. *The History of Script*. Moscow, 1979 (trans. in Russian).
 Frolov B. The Opening of Human // *Anthropomorphical Images*. Novosibirsk, 1987 (in Russian).

Hadamard J. *An Essay on the Psychology of Invention in the Mathematical Field*. Moscow, 1974 (trans. in Russian).

Lévy-Bruhl L. *Primitives and the Supernatural*. Moscow, 1994 (trans. in Russian).

Porshnev B. *On the Beginning of Human History*. Moscow, 1974 (in Russian).

Ricœur P. Living Metaphor. *Horizon*. 2013. Vol. 2 (2). (trans. in Russian).

Zamaleev A. *Memoir of Professor of the University*. Saint-Petersburg, 2013 (in Russian).

Zotov A. Scientific Rationality: History, Present, Prospects. *Voprosy Filosofii*. 2011. Vol. 5 (in Russian).

Аннотация

В основе человеческого взаимодействия с окружающим миром лежат такие специфические формы реагирования людей на внешние воздействия, как переживания. Эти эмоциональные состояния играли (и продолжают играть) важную роль в организации коллективного поведения. Но переживание связано с непосредственным ответом на ситуацию, возникающую в конкретно определенном интервале времени, а потому не может обеспечить успешность человеческих действий в условиях «возможного будущего». Усложнение общественной жизни потребовало создания средств, позволяющих вызвать переживание ситуаций воображаемых. Это обусловило становление рационального мышления, постепенно вытеснявшего чувственные реакции людей на непосредственное воздействие окружающей действительности. Возникновение научного познания, как казалось, окончательно обусловило доминирование в интеллектуальной сфере форм логического рассуждения. Однако некоторые тенденции в современной культуре свидетельствуют о растущей роли эмоциональных состояний в жизни «массового человека».

Ключевые слова: эмоциональные реакции (переживания), подражание (как средство организации коллективного поведения), возможные ситуации, рациональное мышление, наглядные изображения, формализованные знаковые системы.

Summary

In the basis of human interaction with the outside world, there are such specific forms of reacting to the external impacts as feelings. These emotional states always played (and still do) the important role in organizing of collective behavior. But feeling is connected with direct response to the situation occurring in the certain time interval, therefore feeling cannot provide success of human action in the context of 'probable future'. Growing complication of life of society demanded the invention of means that can provide feelings about imaginary situations. It determined the development of rational thinking that gradually replaced the emotional reactions of people to the direct impact of the outside world. The uprising of scientific cognition seemed to determine final domination of logical reasoning in intellectual sphere. However, some tendencies in the modern culture indicate that role of feelings in the life of common people is growing.

Keywords: emotional reactions (feelings), imitation (as an instrument of organizing of collective behavior), probable situations, rational thinking, ostensive images, formalized semiotic systems.